

По данным ООН, в настоящее время доля представителей малочисленных народов на планете составляет 4 %, при этом на них приходится 96 % находящихся под угрозой исчезновения языков [3].

Ни один народ, ни одна культура не могут развиваться изолированно, в отрыве от развития мировой культуры. Но и общее культурное достояние современной цивилизации покоится на богатстве, многообразии многочисленных культур, характеризующих отдельные народы.

Библиографический список

1. *Арсеньева Е.* Ядовитая орхидея / Е. Арсеньева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/elena_arseneva/yadovitaya_orhideya_si, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. *Война в Ехэ.* – Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/1198307.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. *В провинции Цзинь* открыт первый в Китае Центр по изучению маньчжурского языка и культуры. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. *Данилов С.* Нематериальная культура нуждается в защите. – Режим доступа: <http://www.kultura.uz/pathtosuccess>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. *Древний город Ехэ.* – Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/1071223.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. *Древний город Ехэнала.* – Режим доступа: <http://baike.baidu.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. *История Ехэ // Ехэ липи вэньхуа цуншу* : историко-культурологический сборник Ехэ / под ред. Су Цзинчуня. – Чанчунь, 2001.
8. *Китайская культура перед лицом XXI века: выбор и обещания* (выдержки из лекции министра культуры КНР Сунь Цзячжэна в Нью-Йорке, сентябрь 2000 г.). – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. *Левкин Г. Г.* Китай или Маньчжурия – сосед России? / Г. Г. Левкин. – Режим доступа: <http://www.levking.ru/mans.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. *Маньчжуры.* – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. *Мировое наследие в Китае.* – Режим доступа: <http://russian.xjts.cn>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. *Неофициальная история и интересные факты* : историко-культурологический сборник Ехэ / под ред. Су Цзинчуня. – Чанчунь, 2001.
13. *Режим* доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Айсиньгиоро_Нурхацци, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. *Сказки и предания* : историко-культурологический сборник Ехэ / под ред. Су Цзинчуня. – Чанчунь, 2001.
15. *Усилить работу по спасению и охране нематериального культурного наследия Китая.* – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31515/2437105.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. *Lague D.* China's Manchu speakers struggle to save language / David Lague // The New York Times. – 2007, Friday, March 16. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЧЕРНОГОРСКАЯ НАЦИЯ?

И.А. Шугурова
(Россия, Москва)

Аннотация. Черногория на протяжении почти всей своей истории находилась на периферии Балкан и была частью более крупных политических единиц. На контроль над данной территорией претендовали различные силы. Здесь апробировались различные проекты по дестабилизации ситуации и выделению Черногории из состава других государственных объединений. На рубеже XX–XXI вв. одним из основных таких про-

ектов стало вычленение «черногорской нации», чем не преминула воспользоваться современная черногорская элита. В статье анализируются истоки данного проекта, а также современное состояние процесса национализма в Черногории.

Annotation. *Montenegro for nearly its entire history was on the periphery of the Balkans and was a part of larger political units. Its territory was the sphere of interests of various global powers. Various projects have been launched here to destabilize the situation and to allocate this territory to other states. One of the main such projects was the one to create the "Montenegrin nation". This plan has been taken up by the today's Montenegrin elite. The author analyses origins and implications of the nation-building in Montenegro.*

Ключевые слова: *нация, идентичность, сепаратизм, Балканы, Черногория, группа интересов.*

Key words: *nation, identity, separatism, the Balkans, Montenegro, group of interest.*

Появление в 2006 г. на политической карте мира еще одного государства – Республики Черногория – прошло практически незаметно. В отличие Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Косова, отделившихся от бывшей Югославии, выход Черногории из конфедерации с Сербией и провозглашение ее суверенитета не вызвало сколько-нибудь серьезного международного резонанса. Почему? Может быть, дело в скромных размерах этой территории (площадь Черногории в 3 раза меньше Московской области)? Может быть, дело в том, что суверенизация Черногории готовилась крупными геополитическими игроками на протяжении нескольких лет, и поэтому была вполне ожидаема? Может быть, наконец, все дело в правовом оформлении произошедшего: ведь результаты референдума вполне удовлетворили все международные судебные инстанции? Как бы то ни было, хотелось бы обратить внимание на то, что отсутствие мирового резонанса в черногорском случае вовсе не означает отсутствие внутреннего конфликта.

Провозглашение независимости Черногории не вызвало сопротивления даже с сербской стороны (несмотря на игнорирование мнения черногорцев, проживающих в Сербии, которые выступали за сохранение единого государства и на этом основании не были допущены черногорскими властями к голосованию; при этом черногорцы, проживающие в других странах, к голосованию были допущены). Общественное беспокойство в Сербии было вызвано совершенно иными процессами, а именно, желанием черногорской элиты не просто создать новое государство на Балканах, но и провозгласить существование новой государствообразующей нации – черногорской. К недоумению большинства сербов и многих черногорцев в основу данной политической конструкции была положена *антисербскость*. Это скандальное обстоятельство, если учесть, что Черногория на протяжении веков виделась общественному сознанию региона не иначе, как «сербская Спарта», колыбель истинного сербского героизма и патриотизма. Откуда взялась идея «черногорскости»?

Балканский полуостров в силу своего геополитического положения всегда представлял живой интерес для крупных политических игроков. Однако на их пути стоял один из самых многочисленных южнославянских народов – сербы, которые занимали большую часть территорий полуострова и имели свои планы относительно развития региона. На протяжении последних нескольких столетий Балканы были шахматной доской для таких игроков, как Австро-Венгрия, Ватикан, Англия, Франция и Российская империя (позже СССР). В основе большинства стратегий лежал принцип «разделяй и властвуй», т.е. принцип тотальной изоляции и ослабления сербского народа за счет подразделения его на этнические диаспоры. Согласно мнению сербского историка Славенко Терзича, искать балканский «корень зла» стоит в канцеляриях Вены и Будапешта, в Ватикане и ведомствах Римской курии, а также в Загребе [8, с. 120]. К сожалению, отечественной историографии почти неизвестны первоисточники, раскрывающие позиции австрийской и венгерской политической и интеллектуальной элиты относительно конструирования наций на Балканах, которые оказывали непосредственное влияние на эти процессы. На Западе таких исследований чуть больше. Но и среди них не часто встречаются работы свободные от идеологических стереотипов.

Первые серьезные планы относительно передела Юго-Восточной Европы появились еще в XVIII в. С этого времени можно начинать отсчет истории конструирования большинства балканских наций. Так, признание Черногории и Сербии в качестве независимых государств в 1878 г. на Берлинском конгрессе было вынужденной мерой. В частности, Черногории была предоставлена государственность только для того, чтобы воспрепятствовать ее объединению с Сербией. Рост политического и культурного влияния Сербии в регионе беспокоил многих. Суверенизация Черногории и поддержка сепаратистских идей позволила вбить первый клин в будущее общесербской государственности. В начале XX в. инициативу переустройства Балкан попробовал взять на себя Ватикан, давно имевший виды на этот регион. В период Первой мировой войны и упадка империй Ватикан предлагал создать на Балканах или «Великую Хорватию» до реки Дрины или превратить Австро-Венгрию в федеративное государство, включив в него югославянское национальное образование. Но до окончания войны Римской курии так и не удалось согласовать эти взаимоисключающие варианты. Тем временем на Балканах победила идея югославизма. Роль объединителя вновь взяли на себя сербы. Такое развитие событий не устраивало никого: ни Англию, ни Ватикан, ни Россию. Поэтому появляется альтернатива идее «Великой Сербии» – создание маленькой «Габсбургской Югославии» с доминирующей Хорватией. Однако выбор славян был сделан все-таки в пользу самостоятельной Югославии. Так на карте Европы появилось Королевство СХС во главе с сербской династией (с 1929 г. Королевство Югославия). Мировые империи, не имевшие отношения к созданию этого союза, выжидали несколько месяцев, прежде чем пришли к мнению, что факт создания нового южнославянского государства на Балканах все-таки состоялся. На Парижской мирной конференции создание самого крупного по территории и населению государства на Балканском полуострове было узаконено.

Однако такая расстановка сил продолжала многих не устраивать. В разжигании межнациональных конфликтов на Балканах был заинтересован, в частности, Святой Престол, планы которого рушились один за другим. Изучению балканских планов Ватикана посвящен ряд работ. В русскоязычной литературе наиболее обширно они описаны в работах Анны Филимоновой. Российский историк прослеживает стремление Святого Престола непосредственно влиять на общественно-политические процессы на югославянских территориях вплоть до событий 1999 г. [2]. Плацдармом для проведения прозападной политики Ватикан выбрал исконно католические территории Габсбургской монархии – Словению и Хорватию. Еще в начале XX в. в двух этих республиках были сформированы национальные католические движения, которые легли в основу более сложной системы католических организаций Балкан. Их цель заключалась в формировании в регионе особой христианской культуры. В результате Ватикан смог выйти на совершенно новый уровень влияния в регионе. Специфическую роль Хорватии в южнославянском союзе раскрывает помощник начальника генштаба итальянских войск Пьетро Бадольо. В своем плане “*Magna carta*” он описывает процесс дестабилизации ситуации в только что созданном Королевстве СХС. Он считал, что в рамках единого государства Сербия станет отличным инструментом в руках Хорватии для реализации ее собственных интересов, которая даже в рамках Югославии будет продолжать мечтать о создании Великой Хорватии [6, с. 232]. Именно поэтому в первой половине XX в. большинство антисербских работ были написаны и выпущены именно в Хорватии. Достаточно вспомнить несколько наиболее значимых теоретиков и практиков того времени – А. Старчевича (1823–1896 гг.) и Дж. Франка (1844–1911 гг.).

Когда возможности хорватских ультранационалистических идей и движений (франковцы, усташа и т.д.) были исчерпаны, в действие пошла схема разделения южных славян (и самого крупного этноса – сербов) на диаспоры. Первыми теоретиками, поднявшими научное обсуждение национальных отличительных (читай, антисербских) черт Черногории, получившими впоследствии политический резонанс, стали Иво Пилар (*Ivo Pilar*, 1874–1933) и Савич Маркович Штедимлија (Савић Марковић Штедимлија, 1906–1971). И. Пилар – хорватский историк, политический

деятель, юрист, «отец хорватской геополитики». Штедимлия – его ученик, хорватский националистический публицист черногорского происхождения. Именно эти люди предприняли первые попытки конструирования черногорской нации как отдельной и независимой по отношению к сербам [8].

Иво Пилар считал, что хорватская политическая элита упустила свой шанс и вместо того, чтобы ясно формулировать цели и программу борьбы хорватского народа в мировой войне, позволила сербам перехватить инициативу по реорганизации региона. Он создал Хорватское национальное сообщество, пытаясь пробудить политически безразличных хорватских католиков и подготовить их к наступающим знаменательным событиям. Кроме того, И. Пилар выпустил книгу под псевдонимом L.V. Südland, которая стала первой работой на Балканах, посвященной геополитическим проблемам региона. Пилар один из первых поставил вопрос об историко-культурных основаниях «черногорскости». Он признавал на Балканах лишь четыре «чистых» южнославянских этноса – словенцев, хорватов, сербов и болгар. Остальные можно было считать производными от них. Территория современной ему Черногории (от Белграда на Дунае и к западу до Скадарского озера), по его мнению, исконно находилась под влиянием хорватской римско-католической культуры. Именно это утверждение позволило его последователю Штедимлии разработать ревизионистскую теорию происхождения черногорцев, в частности – идею «хорватскости» Черногории. В своей первой и наиболее известной книге (по сути, брошюре) «Красная Хорватия» [10] Штедимлия возвел в ранг «научной достоверности» источники и события, являющиеся темными пятнами балканской историографии. Ссылаясь на «Летопись попа Дуклянина» (о достоверности которой историки спорят до сих пор), он провозгласил современных черногорцев потомками «красных хорватов», некогда населявших эти территории. Штедимлия утверждал, что сербское проникновение на территорию Черногории началось лишь с XI в. Кроме того, он заявлял, что местные жители (население княжества Дукля, позже княжества Зеты) оказали гостеприимство сербам в трудные для них времена и тем самым позволили им сохранить свои культурные и бытовые отличия. Однако сербы ответили дуклянцам неблагодарностью, создав на этой территории государство с сербской доминантой. Таким образом, выходцы из сербской Рашки оказали решающее влияние на политическое преобразование Дуклянского княжества и изменение национальной идентичности его населения. Постепенно даже их имя – хорваты – было заменено другим этнонимом – сербы. С этого времени, по мнению Штедимлии, Дуклю можно рассматривать как хорватско-сербское государственное образование.

Правда, Штедимлии стоит отдать должное: он все-таки оговаривает вероятность нехорватского происхождения черногорцев. Но при этом он, если и предполагал рассматривать черногорцев как самостоятельный этнос, относил его формирование к достаточно позднему периоду (уже после момента вышеописанного социокультурного и политического раздвоения). Тем самым Штедимлия указывает, что западная культурная самобытность превалирует в черногорской культуре и по-прежнему является главным связующим звеном черногорского народа. В финале конфликта двух начал в Черногории – восточного и западного (при отсутствии новых искусственных политических причин, к которым Штедимлия относил провосточную политику правящей династии Негошей) – в этой стране триумфальную победу одержит дух Западной культуры и цивилизации, который, несмотря ни на что, удалось сохранить предкам сегодняшних черногорцев. В качестве подтверждения этой теории была задумана и выпущена книга «Основания черногорского национализма» (1937 г.).

В годы Второй мировой войны Штедимлия продолжал развивать и углублять свою теорию. Так, в ряде своих статей этого периода он внедряет идею об исконной духовной связи черногорцев с римско-католическим миром, отрицая при этом связь черногорской православной церкви с сербской. Помимо этого, он утверждает, будто на Балканах нет более близких народов, чем хорваты, черногорцы и албанцы, и что этим народам необходимо объединиться с целью противостояния сербам [11, с. 66]. В 1944 г. Штедимлия призывал к отделению Хорватской и Черногорской Православ-

ных Церквей от сербской – вопреки тому известному факту, что Православная церковь в Черногории всегда являлась сербским православным епископальным местом.

Идею самостоятельного пути развития балканских наций взяли на вооружение и югославские коммунисты. Причин тому было несколько. Главная состояла в том, что югославские коммунисты искали союза со сталинским СССР, в то время как Сербия представляла проблему для Сталина. Осевшая там десятитысячная русская эмиграция во главе с Врангелем воспринималась Сталиным как вероятность «внутренней угрозы». Поэтому он отдавал предпочтение «угнетенным» народам Югославии – хорватам, словенцам, мусульманам, албанцам, а также другим нацменьшинствам – потенциальным союзникам СССР, так называемому «резерву будущей социалистической революции». СССР способствовал выделению в Югославии несербских народов и поддержал их стремление к созданию самостоятельных рабоче-крестьянских республик, которые бы совместно с Сербией, Болгарией, Грецией и Албанией составили Федерацию рабоче-крестьянских республик Балкан. Таким образом, Сербия должна была находиться под управлением и контролем антисербского большинства [5, с. 197–289]. Поддержка балканских наций, в частности, черногорской, обсуждалась в ноябре 1928 г. на Четвертом конгрессе КПЮ в Дрездене. В Резолюции была высказана мысль, что Черногория была лишена своей государственной независимости в 1918 г. и присоединена к Королевству СХС в результате запугивания населения и оккупации со стороны просербски настроенной буржуазии. Поэтому первоочередная задача КПЮ – помочь вернуть независимость Черногории через решение национального вопроса. В довоенное время такие идеи не воспринимались всерьез. Достаточно сравнить статистические данные переписи населения: 1909 г. – 317856 чел.: 95 % православных серба, 5 % мусульман, большинство с албанским языком; 1921 г. – 249238 чел.: 93 % сербы, на втором месте самое многочисленное нацменьшинство – албанцы; впервые черногорцы появятся в переписи населения в 1948 г., когда составят 91 % от населения, а сербы всего 1 %. Но в 20-е гг. прошлого века единственным человеком в Черногории, поддержавшим антисербский курс, стал Секула Дрлевич.

Секула Дрлевич (юрист по образованию) еще в эпоху черногорского королевства был видным политическим деятелем (дважды министром). Он был известен как человек, отстаивающий объединение Черногории и Сербии с остальными сербскими землями. Однако после объединения Сербии и Черногории в 1918 г., не получив ожидаемой должности, он становится откровенным ненавистником Сербии, упорно повторяя тезис о «национальном угнетении» черногорского народа со стороны Сербии. С 1926 г. он начинает откровенную борьбу за утверждение черногорской нации и создание независимого черногорского государства. Постепенно он сближается с хорватскими экстремистскими группировками, в частности, с хорватскими усташами. В 1941 г. Дрлевич поддержал итальянский оккупационный режим в Черногории. Итальянское влияние прослеживается в его книге «Балканские конфликты 1905–1941» (1944 г.), где он развивает мысль о так называемой средиземноморской принадлежности черногорской нации (идею, отличную от «хорватских» концепций). Главным «достижением» его жизни стала работа над популярной черногорской народной песней «О, светлая майская заря!» (Oj, svijetla majska zoro!). Убрав любые намеки на родство черногорцев с сербами, он опубликовал в 1944 г. свою версию песни под названием «Вечная наша...» (Vječna naša). Через 60 лет, в 2004 г., стихи Дрлевича были утверждены правящей партией в качестве национального гимна Черногории (измены лишь несколько слов).

Когда в 1944–1945 гг. коммунисты утвердились у власти в Югославии, они начинают реализацию проекта по федеративному делению Югославии. Среди прочих нацпроектов одним из основных стал черногорский. Задача была поручена Миловану Джиласу – хорошо зарекомендовавшему себя коммунисту, приближенному к Тито, к тому же выходцу из Черногории. 1 мая 1945 г. в партийной газете «Борьба» вышла первая его статья «О черногорском национальном вопросе». Позже М. Джиласа угнетала роль «отца черногорской нации». Он настаивал, что его действия были направлены не столько на провозглашение нации, сколько на восстановление Черногории в

качестве политического образования, для чего было необходимо подчеркнуть разницу между черногорцами и сербами. М. Джилас даже утверждал, что как-то в разговоре с Тито он подчеркнул, что «черногорцы все-таки являются сербами», на что получил ответ вождя, что «сейчас больше необходима республика» [4, с. 89–120].

Цель работ М. Джиласа заключалась в довольно осторожном проведении максимально размытых границ между черногорскостью и сербскостью, которые за время Второй мировой войны слились в единое целое даже в сознании праведных партизан-коммунистов. В своих исследованиях М. Джилас попытался опереться на историческую перспективу происхождения черногорской нации. Он признавал безусловную принадлежность черногорского населения к сербскому ответвлению южнославянских племен. Но в то же время для достижения поставленной цели пытался показать разницу между сербским и черногорским путями становления нации. В итоге М. Джиласу удалось найти некий средний курс. Его формула сводилась к следующему: «черногорцы – отличающиеся от всех сербов сербы!» Тем самым Джилас утверждал, что в политическом смысле черногорцы, конечно, могут претендовать на самостоятельность, но в этническом смысле – они оставались сербами (одной из подгрупп). Это компромиссное решение, принятое партией, оставляло простор для маневров.

Следующей вехой в развитии черногорского вопроса стала книга Саво Брковича «О генезисе и развитии черногорской нации» (1974 г.). С. Бркович попытался донести до читателей мысль, что «в процессе исторического развития, в рамках постоянной освободительной борьбы население Черногории выросло с четким осознанием и соотносением себя с черногорской нацией» [3, с. 9]. Бркович первый среди коммунистов выдвинул мысль о насильственной подмене черногорской идентичности. Его рассуждения напоминают работы Штедимли. С. Бркович писал, что сербская Рашка под управлением династии Неманичей захватила территории Зеты, насильно заменила католичество на православие, уничтожая церкви и церковные книги. Так было стерто древнее Дуклянское историческое сознание народа. Он считает, что зетчане на протяжении веков наравне с сербами, албанцами, македонцами и другими составляли население Балканского полуострова. С. Бркович так же, как и его хорватские предшественники, настаивал, что черногорская «сербскость» была заложена гораздо позже. Однако отличительной особенностью его теории стало то, что он развел черногорский правящий класс и крестьянство. Бркович считал, что «сербская пропаганда» укоренилась лишь в сознании высших слоев, в то время как рядовых черногорцев это не затронуло. Тем самым автор подводил к идее о сохраненном революционном потенциале черногорского народа.

Безусловно, в книге С. Брковича использовалась вся сила исторических мифов о черногорской нации и народе, который таким образом вплетался в героический эпос общей европейской культуры. Интересно, что, несмотря на явную абсурдность некоторых выводов автора, дискуссии со стороны академических кругов не последовало. Объяснить это можно лишь тем, что С. Бркович был человеком, близким коммунистическому правительству. Реакции пришлось ждать шесть лет, когда в свет вышла другая книга, а реакция была столь бурной, что в ней пришлось принять участие даже власти.

Апофеозом стала книга Шпиро Кулишича «Об этногенезе Черногорцев», опубликованная в 1980 г. [7]. Если С. Бркович пропагандировал преемственность государственной власти Черногории и нации с предыдущими государственными образованиями – Дукли и Зеты, то Ш. Кулишич решил пойти еще дальше. Он решил вывести самостоятельные истоки черногорской нации из древних этнических корней. Так, он выводил однозначную самостоятельность черногорцев на основе расовых и языковых характеристик (составляющих, по его мнению, первооснову черногорской индивидуальности). Ш. Кулишич делает резкое и голословное заявление: черногорцы и сербы – два совершенно разных этноса (!), а свое происхождение черногорцы ведут непосредственно от дуклян – досербского населения Балкан. Слабость академической этнологии позволила Ш. Кулишичу сделать смелые заявления, которые редко подтверждались фактическими научными данными. Так появилась концепция черногорского этногенеза. Несмотря на многочисленные опровержения тезисов Ш. Кули-

шича со стороны академического сообщества, главная цель была достигнута – (псевдо-) научное обоснование самостоятельности черногорской нации было закончено.

Так как теоретический фундамент был готов, то в 1970-е гг., под прикрытием общегославской модернизации в Черногории запускается процесс институционального оформления черногорской независимости. В Черногории создаются культурные, научные институты, национальные СМИ. Если до сих пор общественное восприятие редко подвергалось сомнению общепринятую этническую близость черногорцев с сербами, то введение национального радио и телевидения должно было открыть новые возможности имплицитного самопозиционирования нации. Теперь в руках черногорских сепаратистов-индепендистов появились технологии транслирования новых стереотипов о черногорской специфичности, главный из которых заключался в том, что черногорцы отныне должны восприниматься исключительно как выходцы из эпического царства. Черногорскому руководству требовались хорошо подготовленные кадры, воспитанные не на сербских традициях, как это было до сих пор. И в стране в противовес сербским появляются – сначала Черногорская академия искусств и наук (1973 г.), а позже Дуклянская (1998 г.), Университет в Подгорице (1974 г.) и т.д. Формальный подход к статистике может лишь радовать: с 1945 по 1990 г. неграмотное население сократилось с 56,1 % до 5,9 %. Однако большинство образовательных учреждений, как и средства массовой информации, попали под управление сепаратистски настроенных интеллектуалов. Свои модернизационные проекты они строили, опираясь исключительно на западные образцы, не соотнося их со спецификой страны и региона. На новые черногорские научные кадры возлагалась миссия по сбору всех имеющихся сил и научного потенциала (как в Черногории, так и за ее пределами) с целью обеспечения научной базы для экономического и социального преобразования республики с перспективой национального возвышения черногорского государства и его народа.

С середины 1980-х гг. федеративное югославское руководство окончательно теряет контроль над националистами. Обостряется борьба и внутри КПЮ. После распада СФРЮ в Черногории к власти приходят новые политики – Момир Булатович и Мило Джуканович. В начале 1990-х гг. у власти находился М. Булатович, сторонник сохранения союза с Сербией. Политические амбиции, внутренние партийные разногласия и борьба за власть приводят М. Джукановича в ак называемый «западный блок». С момента победы М. Джукановича в 1997 г. поддержавшим его на выборах индепендистам и сепаратистам представилась отличная возможность разыграть на политической сцене Черногории различные националистические и этно-идеологические роли. Первоочередная задача – массовое распространение идеи о самодостаточности «черногорской нации». В жизнь претворяются следующие дуклянские проекты: разработка и признание черногорского языка в качестве государственного (конструирование языка идет посредством перехода с кириллицы на латиницу и ввода 3 дополнительных букв, которых нет в сербском языке, а также изыска архаических слов и выражений, специфичных для данного региона и т.д.); оказание материальной помощи и моральной поддержки Черногорской Православной Церкви (основанной отлученными священниками во главе с публицистом Е. Брковичем); введение новых символов – гимна (Дрлевича), флага (Alaj-barjak); День черногорской армии отныне празднуется 7 октября, в день, когда царство Дукля одержало военную победу и было признано Византией в качестве независимой территории.

Безусловно, каждая нация – это политический проект (цель которого гомогенизация населения, в идеале вплоть до окончательного стирания границ между этносами). А черногорский случай – это политический проект тройные. По справедливому мнению сербского историка М. Джурковича, в Черногории сработал случай так называемой «сваренной жабы» (повышение температуры воды настолько постепенно, что жаба не замечает этого вплоть до момента, когда будет окончательно сварена). По мнению М. Джурковича, подобное максимальное повышение температуры уже достигнуто. В результате манипуляций с голосованием на референдуме черногорские политические конъюнктуристы легитимировали свою власть.

Всего за два поколения черногорской элите удалось, казалось бы, невозможное – с помощью хорошо подобранных схем (в соответствии с конкретными политическими установками) существенно скорректировать историческую память народа. Подтверждение тому – результаты референдума 2006 г. Голосование за суверенитет стало результатом успешной пропаганды идеи о «ложной сербской идентичности» черногорцев, которую ввели черногорские индпендисты.

Культурализация сферы политического привела к появлению внутреннего социального конфликта. Граждан этой страны отныне раздирает двойственная идентичность. Поляризация черногорского общества проходит по линии «черногорскость – сербскость» (от соотношения себя в этническом плане с сербами, а в географическом с Черногорией до крайней позиции, в которой «черногорскость» означает «антисербскость»). Спецификой режима Джукановича становится этноцид.

Попытки определения государствообразующего народа пока остаются достаточно курьезными. Согласно последней переписи населения (2003 г.), в Черногории проживает 267699 черногорцев и 198414 сербов. В Сербии проживает 263000 граждан Черногории, из них только 69049 считают себя этническими черногорцами (перепись 2002 г.). Таким образом, если сложить сербоориентированных черногорцев, проживающих в Черногории и Сербии, то получится 392365 (193951 + 198414). С другой стороны, если сложить всех граждан, считающих себя этническими черногорцами, то получается 336718 (267669 + 69049). При этом лишь 11 % населения Черногории признали в качестве родного языка черногорский. Так что даже по грубым подсчетам получается, что 336 тыс. черногорцев с черногорским гражданством противостоит 390 тыс. сербов с черногорским гражданством. Теперь становится понятным, почему черногорские власти делают все для маргинализации двух групп: черногорцев, на постоянной основе проживающих в Сербии, и сербов, проживающих в Черногории (последние ввиду подобной политики вполне могут стать этно-раритетом).

Черногорская история препарируется в лаборатории. Ее все чаще изобретают в угоду очередному политическому мифотворчеству. На научном поприще сегодня трудятся новые алхимики. Среди них черногорский историк боснийского происхождения Ш. Растодер, американский профессор сербского происхождения Дж. Томашевич и М. Попович, в недавнем прошлом сербский профессор, а сегодня декан политологического факультета в Университете Черногории (назначение политическое, к тому же не секрет, что крупнейшие черногорские институты образования финансируются и находятся под контролем индпендистов). В Черногории XXI в. появились новые герои, не имеющие никакого отношения к Косовской битве. Воспоминания о прежних героях считаются политически некорректными, ибо могут оскорбить национальные и религиозные чувства некоторых граждан. И все же несмотря на то, что «демократическое» поколение черногорцев, сбросив «оковы былых заблуждений», наслаждается ощущением себя в качестве новой европейской нации, национальный вопрос по-прежнему актуален.

Библиографический список

1. **Малахов В. С.** Национализм как политическая идеология : учеб. пос. / В. С. Малахов. – М. : КДУ, 2005. – 320 с.
2. **Филимонова А.** Роль Ватикана в общественно-политических процессах на постюгославском пространстве 1991–2000 гг. / А. Филимонова. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. **Brković S. K.** O postanku i razvoju crnogorske nacije / S. K. Brković. – Titograd : Graficki zavod, 1974.
4. **Dulović V.** Crnogorska istoriografija i izgradnja nacije 1948–1989 / Vladimir Dulović // Izazovi savremenog crnogorskog identiteta. Antropološko istraživanje transformacije identitetske formule Crnogoraca u periodu nakon Drugog svetskog rata (Zbornik radova) / Dr. Saša Nedeljković. – Baštinik : Kruševac, 2009.
5. **Jovanović B.** Rasrblijanje Crnogoraca: od Stalina i Tita do “Dukljana”: Duhovni genocid / Batrić Jovanović // Vijeće narodnih skupština Crne Gore. – Podgorica, 2005.
6. **Krizman B.** Raspad Austro-Ugarske i stvaranje jugoslavenske države / Bogdan Krizman. – Zagreb : Školska knjiga, 1977.

7. Kulišić Š. O etnogenezi Crnogoraca / Špiro Kulišić. – Titograd, 1980
8. Terzić S. Ideološki koreni crnogorske nacije i crnogorskog separatizma / Terzić Slavenko // Slovo o Crnoj Gori : Srpski forum Crne Gore, Vijeće narodnih skupština. – Podgorica, 2001.
9. Popović M. Crnogorsko pitanje / Milan Popović. – Podgorica, 1999.
10. Stedimlja S. M. Crvena Hrvatska / S. M. Stedimlja. – Split, 1937.
11. Stedimlja S. M. Osnovi crnogorskog nacionalizma / S. M. Stedimlja. – Zagreb, 1937.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА МАРГИНАЛЬНОСТИ В XIX–XX ВВ.

А.Б. Истилеева
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В статье рассматривается осмысление и понимание маргинальности в культуре в XIX–XX вв. Исследуется термин «маргинальность», первоначально сформированный в русле социальной философии (К. Маркс, Г. Зиммель). Анализ данного феномена в рамках экзистенциализма (К. Ясперс) приводит к выделению маргинальности из пограничной ситуации. В статье также исследуется культура постмодернизма, в которой маргинальность меняет свой пограничный статус и утрачивает специфику противопоставления норме.

Annotation. The article considers the comprehension and understanding of marginality in the culture in the XIX–XXth centuries. We study the term “marginality”, which originally emerged in the mainstream of social philosophy (K. Marx, G. Simmel). Analysis of this phenomenon within the framework of existentialism (K.I Jaspers) leads to the selection of marginality of the border situation. The article also explores the culture of postmodernism, in which marginality changes its border status and loses its specificity of opposing the norm.

Ключевые слова: маргинальность, маргинальная культура, социально-экономический процесс, аутсайдер, чужак, пограничная ситуация, экзистенциализм, постмодернизм, периферия, норма.

Key words: marginality, marginal culture, socio-economic process, outsider, stranger, border situation, existentialism, postmodernism, periphery, norm.

Собственно понимание и осмысление маргинальной культуры произошло уже в XX в. Однако принципиально иное, новое понимание культуры вообще и маргинальной в частности начинается с XIX в. В рамках данной статьи важным является анализ концепции К. Маркса по вопросам изучения культуры как целого и маргинальной культуры как части этого целого.

Немецкий мыслитель в своих произведениях понятие маргинальности не использовал. Однако его изучение люмпен-пролетариата созвучно исследованиям в области маргинальной культуры. Описывая культуру в работе «Экономическо-философские рукописи», немецкий философ пришел к выводу об определяющей роли материального производства в жизни общества, в работе «Критика политической экономии» в общих чертах разработал теорию прибавочной стоимости. Все существенные следствия прибавочной стоимости были описаны им в фундаментальном труде «Капитал» [7, с. 660]. Здесь же он раскрыл механизм функционирования капиталистического способа производства, источник и сущность эксплуатации пролетариата буржуазией, нарастание основного классового антагонизма капиталистического общества.

Согласно К. Марксу, «...процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, – процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, – непосредственных производителей в наемных рабочих» [7, с. 726–727]. Этот процесс привел к созданию не только армии наемных рабочих, но и огромной промышленной